

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

В. П. Раков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НООСФЕРА

Интеллигентоведение - наука, статус которой не определен. Ее нет в официально утвержденных планах университетов; чиновный и министерский люд, вероятно, не подозревает о ее существовании. Между тем эта форма знания к настоящему времени успела заявить о себе более чем убедительно: сотни статей и десятки монографий говорят о предмете, достойном глубокого изучения. Уже сейчас можно констатировать, что интеллигентоведческие штудии у нас в стране приобрели широкий размах. К новой дисциплине оказались причастными философия, история культуры, филология и эстетика. В этом же ряду стоят социологические исследования, психология и даже экологические курсы. Студенты и аспиранты, проявляющие любопытство к синтетическим формам знания, заполняют аудитории, где высококлассные специалисты читают лекции, выстроенные в духе историко-генетических и компаративистских штудий. Пришло время интегральных научных стратегий.

Книга профессора Г. С. Смирнова концентрирует внимание читателя на только что перечисленных аспектах новой дисциплины¹. Однако высшим уровнем восприятия феномена интеллигентоведения, согласно автору, является своеобразная призма когнитивно-методологических зеркал, присущих учению о ноо-

© Раков В. П., 2007

Раков Валерий Петрович - доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета.

сфере. Эта посылка означает многое, но прежде всего, она дает основание уберечь ключевое понятие науки, именно «интеллигенцию», от односторонних и субъективных истолкований.

Автор книги - разносторонне образованный философ, знаток русской культуры и европейской научной мысли, особенно современной и начала XX столетия. Его тезисы, касающиеся предмета исследования, всегда находят историческое обоснование, сохраняя таким образом «аромат» той или иной эпохи, включенной в процесс живой рефлексии нынешнего времени. Сколь бы конкретными ни были соображения Г. С. Смирнова относительно самых разнообразных проблем, в итоге последние оказываются вознесенными энергией его мысли на метафизическую высоту. Поэтому нет ничего неожиданного, когда исследователь ставит во главу угла *философию интеллигенции*, имея в виду размышления о предельных моментах человеческой духовности в экзистенциальных условиях бытия. Тут утверждается неотменяемость и глубинная важность антропного принципа познания, актуализация разума, веры и чувства в самих основаниях культуры. «Интеллигенция, - пишет ученый, - это форма воплощения человеческого измерения императива высших ценностей» (с. 15).

В научной литературе имеется буквально несметное множество определений интеллигенции. Г. С. Смирнов стремится достичь здесь как содержательной объемности понятия, так и его составной определенности, что содействует «большому расширению пространства смыслов, их структурированию и тем самым сближению категорий *интеллигенция и ноосфера*» (с. 18). Он справедливо полагает, что морфологический уровень «интеллигенции» включает в себя свойства ментального характера, куда входят так называемые (выражение, хотя и общепринятое, но - не из лучших) «штампы умствования», а также сенсуалитет со всем многообразием форм чувствования. Тут же располагается область аксиоматических, ценностно-иерархических реакций, а также праксиолитет с присущими ему методами и формами внешнего миропостроения.

Бесспорно, усмотрение в понятии интеллигенции аспектов ноосферности логично и закономерно. Ведь там и тут развертываются смысловые энергии Логоса, этого регулятивного разума культуры. Сказанного достаточно, чтобы не углубляться в спе-

циальное обсуждение проблемы (она неисчерпаема), но подчеркнуть одну ее особенность необходимо. Речь идет не только о житнетворческих импульсах Логоса, но и о том, что его онтологическая призванность заключается в понимании культурой самое себя, позволяя ей воспринимать универсум в координатах соотношенности с цивилизационными ценностями (с. 26-28).

Есть одна особенность интеллигенции, которая, казалось бы, противоречит ее логосной специфике. В самом деле, только что, вслед за автором книги, мы говорили о пронизанности светом разумности всего ноосферного универсума. Но вот исследователь с опорой на суждения А. Ф. Лосева развивает мысль о том, что «интеллигентность почти всегда бессознательна», и это ее качество «существует только там, где есть вооруженность против всякого рода природных, общественных и исторических несовершенств» (с. 20). Как мы понимаем, пафос этого тезиса заключается в критическом отношении к тотальному и плоскому рационализму, в XX столетии возобладавшему в теории познания. К сожалению, до сих пор наблюдается воздействие сплошной «разумности» на умы ученых. В общении со студентами, аспирантами и коллегами то и дело приходится сталкиваться с пренебрежением к иррациональным пластам культуры, тогда как, например, академик Б. В. Раушенбах заявлял, что «строгая» наука, каковой почитается теоретическая физика, нуждается как раз в интуитивных ресурсах мышления, в энергии из глубин того, что можно считать необъяснимым. Очевидно, что «реабилитация» Г. С. Смирновым бессознательного в общем самочувствии интеллигенции продиктована желанием изучить свой предмет в его всесторонности и органической естественности, избегая безжизненных схем и унификаций. Поэтому вполне понятно привлечение автором зрительных и иных интуиции при построении когнитивной типологии интеллигенции. В работе подчеркивается своеобразная окраска знаний, выработанных в течение веков. Эта окраска «может быть не только "черная" или "белая" (то есть одноцветная), но и многоцветная, при этом пространственное ее положение может быть и одномерным, и двухмерным, и трехмерным, и многомерным» (с. 34). В ответах интеллектуальной истории это положение выглядит в высшей степени убедительным. Но нам хотелось бы продолжить сказанное. Заметим,

что именно здесь было бы уместным введение понятия «миф» в его самом широком значении. Это - и форма мышления интеллигенции, и ее эмоционального состояния; это - и вдохновенные озарения, и, конечно же, соблазны романтических утопий, неверных жестов, а порою и прямо роковых решений. История - извилистый путь, где твердая почва и бездна соседствуют. В свое время я немало писал об этом, но до сих пор тема «Интеллигенция и миф» ждет своих исследователей. В сочинении Г. С. Смирнова заинтересованный читатель найдет методологические «подсказки» для размышлений над относящимися сюда вопросами.

Предложенная типология интеллигенции усилена ее антропологической, религиозной, светской и профессиональной спецификой. Но в любом случае, подчеркивает автор, «интеллигенция - это всегда иное культурное качество, нежели другие слои общества» (с. 57).

Автору книги свойственно стремление видеть в обществе и его истории желаемую гармонию и, я бы сказал, телеологичность. Поэтому упомянутое «качество» имеет доминантные черты. Г. С. Смирнов пишет, что интеллигенция связывает разные классы и сословия в целостный социальный организм, способствуя приобщению людей к культуре этнонационального единства и мирового духовного контекста (там же). В свете мифологичности, часто застилающей ясность взора, но и рождающей мечтательные порывы интеллигенции, мы понимаем, что далеко не всегда она оказывается на высоте ей выпавшей миссии. В наше время этот вывод не требует специальных обоснований. После взволнованных и пламенеющих негодованием книг и статей А. С. Панарина и С. Г. Кара-Мурзы, освещающих историческое поведение политизированных интеллектуалов России - вплоть до сегодняшнего дня, вряд ли стоит идеализировать эту публику. Однако напомним, что Г. С. Смирнов - философ и потому утверждает, что *вечность* жизни и интеллигенции состоит в *перекрываемости* зла - добром, и *чаемые* времена все-таки приходят. Пусть и неспешно. Согласимся с этим.

Так исследовательская мысль встречается со своеобразной грезой русской культуры - идеей всеединства. Эта концепция В. С. Соловьева, ставшая в Серебряном веке одной из популяр-

нейших и несравненных среди других философов, весьма любима Г. С. Смирновым. Она, если так можно выразиться, - заглавный знак культурного дизайна той, уже далекой от нас, эпохи. Этой идеей были увлечены не только мыслители, но и писатели, названные возрожденцами - по слову знаменитого эллиниста Ф. Ф. Зелинского. Насколько можно судить, Г. С. Смирнов находится под обаянием духовной пассионарности и усматривает ее присутствие в нашем времени. «Значимость современного периода развития России, - пишет он, - несмотря на все негативные тенденции, сопровождающие взрывной рост страны, в том, что это период нового российского Возрождения - возрождения Серебряного века» (с. 48). Однако написавший такое, рискует попасть под жалящие инвективы, причем своих собратьев-философов. Среди некоторых из них крепнет убеждение, что рубеж XIX-XX веков связан с несчастьями русской культуры и крушением Империи, а такие мудрецы^ как Н. Бердяев, - виновники сотворенного зла. Пространно и патетично об этом пишет Н. П. Ильин. Не отстают от него и публицист Д. Галковский, упрекая, например, того же В. С. Соловьева и П. А. Флоренского не более и не менее как в «провинциальной узости». И вообще все философы Серебряного века именуются им «депрессивными неудачниками». «Как пошло с Чаадаева, так и поехало». Среди любителей подобной экзотики можно обнаружить и литературоведов. Вот вам и Возрождение!.. Однако нам робеть не надо, и Г. С. Смирнов следует этому правилу, тем самым укрепляя основу для плодотворного диалога, а то и полемики с творчески вменяемыми специалистами. Его позиция как нельзя более здрава и конструктивна. Но вернемся к идее всеединства и скажем, что она оказывается в согласованности с авторской концепцией универсумности (sic!) бытия, преобразуемого в модальности ноосферных замыслов и проектов. «Интеллигенция, - читаем в книге, - в настоящее время выполняет роль генератора, превращающего энергию мысли в космическом масштабе в энергию деятельности в масштабе планетарном...» (с. 86).

Г. С. Смирнов хорошо осознает драматическую напряженность этого процесса, отмечая его кризисные пункты, но мысль исследователя не расстается с идеей «порождения цветущей сложности» мира. Он озабоченно пишет о необходимости «вы-

работки модели этнонационально-государственного поведения в условиях всеобщей планетарной трансформации», под которой понимаются глобализационные изменения. Задача России состоит не столько в том, чтобы примениться к новым историческим реалиям - это ей по силам, сколько в том, чтобы сохранить свою религиозную, коммюнитарную, евразийскую идентичность с произрастающей на этой почве национальной идеей страны. Очевидно, что для читателя проблема будет углублена и станет более ясной, если он овладеет материалами, посвященными «русской идее». Тут можно прибегнуть к помощи как отдельно изданных авторов, так и к сборникам, где систематизированы сочинения на эту тему. Как сказал поэт, «душа обязана трудиться».

В заключительных разделах книги выразительно пишется о синтезе био- и ноосферы, подчеркивается органическое единство экстрасенсорных и телеологических интенций в эволюции интеллигентского сознания, которое становится «везде-вечностным» (с. ПО) и никаким иным не заменимым, ибо оно питает современную культуру и цивилизацию. И та, и другая должны изучаться с позиций - излюбленная формула автора! - «универсумно-ноосферного подхода».

К тексту исследования дано приложение - Программа спецкурса «Введение в интеллигентоведение». Здесь названо восемь тем, начиная от «интеллигентоведения как комплексной междисциплинарной науки об интеллигенции» и кончая «футурологией интеллигенции». Надо ли говорить о целесообразности такого дополнения к основному корпусу книги. И здесь хотелось бы высказать похвалу автору: он не только счел необходимым сформулировать в Программе перечень изучаемых проблем, но и представить их в содержательно прозрачном изложении. И вот что важно: ...не поступившись при этом принципом фундаментальности в трактовке своего предмета. Это мое замечание - не зряшний комплимент, но подчеркнутое достоинство труда ученого. Дело в том, что сейчас обсуждается ситуация в высшей школе, связанная с Болонским процессом. Высказываются разнообразные идеи, нередко прожектерские и подаваемые с неуместной эмфатикой. Приходится наблюдать смену интересов у коллег, до недавнего времени отдававших силы многотрудным исследованиям. Теперь же их уму и сердцу любезны лишь методи-

ческие темы и задания. Имеются примеры перестройки профиля кафедр. Повальное увлечение новыми веяниями вряд ли может повысить уровень фундаментального образования. Не отвлекайте ученых от их прямого дела, а методы преподавания будут совершенствоваться по мере возрастания культуры мышления, порождаемого высокой наукой.

Завершая наши размышления, скажем, что книга профессора Г. С. Смирнова - творчески интересное и превосходно написанное исследование. Оно создано на острие теоретических достижений научной мысли о ноосфере и интеллигенции. К сожалению, о многом ценном в сочинении мы не сказали - не по умыслу, а за недостатком места: жанр рецензии повелевает быть кратким. Я хорошо знаю труды автора. Некоторые из них, опубликованные ранее, не вошли в монографию. Жаль. Нужно непременно включить их в состав книги при подготовке ее расширенного издания под грифом Министерства образования и науки РФ. Это - первый, и, к счастью, удачный, опыт учебника по новой дисциплине, выполненный в лучших традициях исследовательской и методологической практики. Хотелось бы надеяться, что за этим дело не станет.

Примечания

¹ *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007. Далее ссылки на книгу оформляются в скобках, с указанием страниц.

М. А. Миловзорова, Е. М. Раскатова

ГЕНИЙ МЕСТА

(О новой книге Л. А. Розановой «Шуйские родники»)

«Шуйские родники» - это чистые источники, принимая к которым, обретаешь вторую молодость, заряжаешься энергией, вновь находишь в себе силы верить в людей...

«Роман с Шуей» начался для автора с того момента, когда несколько лет назад Шуйский педагогический университет, укрепляя профессорский состав кадрами высшей квалификации, призвал на службу известного филолога, профессора Л. А. Розанову. Не будет преувеличением сказать, что исследователь и город обрели друг друга, в результате чего и появилась эта книга - настоящий гимн, восхищенная ода Шуе и шуянам, которые в границах своего локального культурного мира на протяжении многих десятилетий совершали духовную работу, укреплявшую фундамент общероссийской культуры.

Но, прежде всего, пред нами - уникальное исследование, созданное на стыке филологии и культурологии, литературного краеведения и регионоведения, культурной истории страны и микроистории - истории повседневной культуры края.

Тот факт, что Шуя является своеобразным «культурным гнездом» нашего региона, на первый взгляд, не нуждается в специальных доказательствах - древняя история, эстетичная архитектурная среда, необычная для небольшого уездного города, несколько громких имен... Тем не менее, исследователь находит свою единственную тропу, приводящую его и читателя к новым, более глубоким выводам не только о реальном культурном наполнении этого «гнезда», но, что самое главное, размышлениям о том,

© Миловзорова М. А., Раскатова Е. М., 2007

Миловзорова Мария Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета.

Раскатова Елена Михайловна - кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета.